

Двойная
жизнь
Дианы Фогель

ТАНЯ СВОН

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С25

Иллюстрация на переплете *Centaurea*
Оформление серии *Екатерины Петровой*
Редактор серии *Екатерина Дмитриева*

Ранее книга издавалась под названием «Диссонанс»

Свон, Тая.

С25 Двойная жизнь Дианы Фогель / Тая Свон. –
Москва : Эксмо, 2023. – 320 с.

ISBN 978-5-04-176694-8

Диана учится в медуниверситете, получает хорошие отметки и старается соответствовать ожиданиям родителей, хотя на самом деле ей хочется навсегда забыть о белом халате и шприцах. Она привыкла плыть по течению, украдкой мечтая о совершенно другой жизни. Все меняется, когда в группе Дианы появляется новенький – он сразу вызывает у нее отторжение, потому что напоминает ее родителей, фанатично повернутых на медицине. Диане наконец придется выбрать: долг или мечта? Притворяться или быть собой?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-176694-8

© Тая Свон, текст, 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

ГЛАВА 1

Семья. Долг. Честь

Пронзительная трель будильника вгрызается в раннее утро высокими нотами, будто наточенными клыками. От столь громкой и противной музыки мозгу становится почти физически больно. Я резко вскакиваю из-за стола, за которым дремала, и тут же ударяюсь затылком о навесную полку. Шипя от боли и сдерживая рвущиеся ругательства, отключаю злосчастную пищалку и с недоумением тарашусь на экран с горящими цифрами.

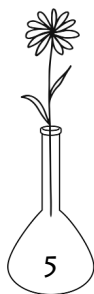
Неужели проспала? Да еще и форму дома забыла!

— Прием, — выдыхаю в телефон, — угроза уровня Мстителей! Уснула на работе и проспала! Срочно захвати с собой второй халат!

Голосовое сообщение мгновенно отправляется адресату, а смартфон — в рюкзак, покрытый броней из значков с героями игр и аниме. Я мечусь по каморке, собирая вещи и попутно наводя порядок в комнате персонала. Чистота — одна из моих обязанностей, и оплошать в первый рабочий день совсем не хочется. Даже не приведя себя в достойный вид, ураганом врываюсь в основной зал. Гик-кафе¹ «Перезагрузка» работает круглосу-

---

¹ Гик-кафе — кафе с множеством интерактивных развлечений, включая настольные игры, приставку, полки с комиксами и т. д.

точно, но ранним утром ожидаемо пустует. И мне это только на руку.

Быстренько пробегаю вдоль столов и диванов и облегченно выдыхаю — никакого мусора и беспорядка. Зато в игровой зоне придется попотеть: компания оставила после себя пустые коробки от пиццы, бутылки и опрокинутые стаканы. С омерзением морщусь, заметив самое страшное — жирные пятна на геймпадах. Каким извергом нужно быть, чтобы совершить подобное?! К тому же в «Перезагрузке» за такое свинство предусмотрен штраф... который, если не поспешу, придется выплачивать мне. И, боюсь, одним вычетом из зарплаты дело не кончится: недоглядела за гостями, так еще и уснула, что при посетителях в заведении категорически запрещено.

— Как первая смена, Ди? — из-за бара выглядывает светлая макушка Игоря. В сонном взгляде парня сверкает усмешка.

— Крещение огнем, — хмыкнув, роняю между делом и мчу за салфетками и чистящим средством.

6

— Действительно, — голос напарника становится чуть мягче, — что там, что тут Крысы¹.

Изумленно выгибаю бровь и бросаю на блондина удивленный взгляд:

— Не думала, что ты читал «Ведьмака». Да и тут скорее не крысы, а свиньи, — говорю, удрученно натирая геймпад, с которого совершенно не хотят исчезать жирные пятна.

— Да не торопись ты так, не нервничай. У меня от твоей суматохи уже в глазах рябит.

---

¹ Диана и Игорь говорят о книге А. Сапковского «Крещение огнем», которая входит в цикл о Ведьмаке. В ней упоминается преступная банда «Крысы Пограничья».

— Если это увидит начальство, мне конец, — обреченный вздох вырывается из груди. — Это ведь моя первая смена, а я уже накосячила как могла.

Игорь лениво потягивается и демонстративно зеваает:

— Не переживай, это я тебе как старожил «Перезагрузки» говорю. Олег если и явится, то не раньше десяти. Посетителей утром почти никогда нет. Мы успеем прибраться. Ну а записи с камер никто за два года ни разу не просматривал.

Кончики пальцев горят от безрезультатного трения, а воодушевляющая речь Игоря совершенно не работает.

— У меня смена уже кончилась, я опаздываю на пару, а в зале бардак!

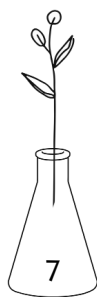
Игорь добродушно смеется и снисходительно отмахивается:

— Новенькая, — протягивает он. — Я прибе-
рись здесь, не волнуйся. Только мусор вынеси.

Повторять дважды не приходится. Спешно выпаливаю самые искренние слова благодарности, молниеносно скидываю в пакет все улики нашего с Игорем безделья и уношусь обратно, в комнату персонала, за вещами. Едва проскальзываю за дверь, перед глазами, укоризненно тикая, возникают часы. С ужасомзираю на стрелки, что стремительно приближаются к девяти.

Опаздывать на первую же пару нового учебного года совершенно не хочется. Мысленно прикидываю, сколько времени потрачу, чтобы дойти до мусорки, и от досады надуваю губы. Обходить длинный дом дважды ради баков, стоящих прямо под окном, сейчас кажется занятием очень неразумным.

Но ведь бросать не на главную улицу и всего лишь со второго этажа — не промахнусь.

Совесть молчит. Ее, видимо, гораздо больше волнует опоздание на учебу, нежели швыряние пакетов на дальность. Недолго думая, распахиваю окно и, даже не посмотрев по сторонам и зачем-то крепко зажмурившись, вершу задуманное.

Тихий шелест резко сменяется хлопком. Потом гремят бутылки, а за ними, будто скатываясь с лестницы, по очереди шумят пластиковые стаканы. Рефлекторно делаю шаг вглубь комнаты и будто по привычке виновато ойкаю.

Вот за это меня точно уволят. А если еще и в университет информация просочится...

Ныряю под подоконник как в окоп. Справившись с волнением, но все еще мелко дрожа от страха и напряжения, аккуратно выглядываю на улицу. Интерес не утихает, хоть и понимаю — одна пуля-взгляд, и мне точно конец... Вычислить меня не составит труда — вряд ли еще найдется много открытых окон, утро выдалось промозглое. Да и если пострадавший поднимет взгляд чуть выше кончика своего носа, тут же заметит торчащую темноволосую макушку.

8

Только жертва моей лени и не думает выискивать обидчика. Молодой парень старательно стряхивает с себя мусор и отчаянно борется с пятнами на светло-коричневом пальто. Незнакомца окружают мелкие лужицы остатков газировки и ореол мусора.

В груди расплзается жгучая досада, и мне становится очень жаль парня. Не заслужил он такое «доброе утро».

Однако долго терзаться муками совести не могу — времени нет. Да и вдруг паренек решит разобраться с нарушителями и нагрянет в кафе? Правильно это или нет, но нужно смыться отсюда. И чем раньше, тем лучше.

Хватаю рюкзак, машу на прощание Игорю, который неторопливо наводит порядок в баре, и выбегаю к лестнице. Пестрый зал, стены которого похожи на комиксный разворот, провожает меня ароматом утреннего кофе.

* * *

— Как ты умудрилась не опоздать?! Признавайся, у тебя где-то припрятан маховик времени? — сияют лукавые голубые искорки из-под очков в желтой оправе, которые парень эффектным отточенным движением прижимает к переносице. Эту привычку, уверена, Тимур перенял из аниме.

— Никаких маховиков! — переводя дыхание после бега, заверяю я и безоружно поднимаю руки. — Исключительно порталы!

— Ненавижу порталы!¹ — кидает новую отсылку Тим и довольно улыбается, когда занимаю привычное место с ним за партой.

Мы не виделись целое лето, и я ужасно соскучилась по товарищу, а потому не сдерживаю радостных эмоций. Улыбаюсь во все тридцать два, смеюсь и ерошу и без того буйные рыжие вихры друга, когда тот гордо протягивает небольшой пакет:

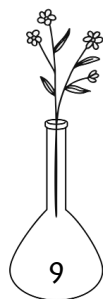
— Ваш супергеройский костюм, мисс!

Внутри оказывается запасной белый халат Тимура. Мой, забытый, отдыхает дома. Этот же немного великоват, но меня подобный казус волнует в самую последнюю очередь. Главное — не опоздала и не явилась без формы.

— Спасибо! Сегодня же постираю и завтра верну.

---

¹ Популярная среди фанатов игры «Ведьмак 3» фраза Геральта.

— Не нужно, — отмахивается Тим. На секунду его взгляд темнеет, словно тучи наплыли на солнце, но Тим быстро переводит тему и снова загорается энтузиазмом. — Препод, кстати, опоздает.

Лисья физиономия друга пышет довольством, которое быстро передается и мне. Отлично! Значит, у нас есть еще время до начала занятия, чтобы спокойно пообщаться. Летом, пока Тимур гостил в родном городе и путешествовал, мы переписывались и созванивались. Но разве может виртуальная болтовня заменить живые встречи?

— За каникулы ничего не изменилось, — выношу вердикт, осматриваясь с задней парты. Несколько человек, с которыми еще не успела поздороваться, перехватывают мой взгляд и приветственно машут с передних рядов. — Все разбиты по тем же компашкам, сидят с теми же людьми...

— Четвертый курс, — пожимает плечами Тим, — рефлексы закрепились.

Одногруппники живо беседуют, обсуждая начало учебного года. Половину пути уже прошли, и с этого семестра нам открывается новый опыт — возможность работать медсестрами и медбратьями. Ребята наперебой делятся планами на грядущий год. Кто-то заунывно вспоминает про огромную кучу близящихся зачетов и экзаменов, а наша староста, Аня, напоминает, что и в научных кружках полно дел.

— Да, — протягивает Тимур, заметив мою потухшую улыбку, — быстро ты скисла...

— Просто устала, — отвожу взгляд от воодушевленных одногруппников и пожимаю плечами.

Ладонь Тима ободряюще ложится на мою:

— Наберись терпения, Диана. Год будет тяжелым.

Вскидываю на друга вопросительный взгляд. С чего это вдруг такие речи? Наоборот, самое сложное — фармакология, анатомия — уже позади. А система циклов, в которую с этого семестра окунается наш курс, — просто рай. Учи себе всего один предмет недели две и не грузись мыслями о других дисциплинах.

Но задать вопрос, вертящийся на кончике языка, не успеваю. Тимур, рыжий непоседливый огонек, снова вспыхивает позитивом:

— Я тебе, кстати, из Японии кое-что привез! — он выуживает из цветастого рюкзака маленький сверток и гордо протягивает мне.

— Гудетама?¹ Неожиданно! — прокручиваю на указательном пальце кольцо брелка и ловлю в ладонь желток с нарисованным изнеможенным лицом. Выпятив желтую попку, герой лениво растекается по белому яичному коврику.

Сразу цепляю колечко к рюкзаку и довольно любуюсь новым спутником:

— Спасибо, Тим! У меня для тебя, к сожалению, ничего нет...

— Ошибаешься, — он заговорщически подмигивает, — у тебя есть рассказ о первом рабочем дне. Родители, кстати, знают?

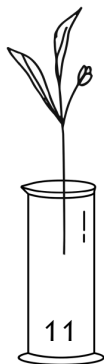
От упоминания о родителях на душе становится мерзко, а язык прилипает к нёбу. Шумно выдыхаю, а затем тихо, чтобы слышал только Тим, произношу:

— Они думают, что я устроилась в больницу.

В голубых глазах плещется смесь страха и восторга. Тим прикладывает к губам крепко сжатый кулак, его брови ползут на лоб.

---

¹ Гудетама — японский персонаж, представляющий собой грустный яичный желток.

— А если проверят? Они ведь...

— Даже думать не хочу, — спешно отрещиваюсь от дурной мысли, — родители будут в гневе, если узнают, что работаю не в медицине. Они ведь даже заранее записали меня в хирургический кружок. Сами!

Тимур звонко шлепает ладонью по лбу — высшая степень негодования.

— Ты серьезно, Ди?!

Поджимаю губы и трагично киваю.

— Теперь понимаешь, почему год только начался, а я уже устала? За лето ничего не изменилось. Меня душит фанатичность родителей дома, а на учебе — одноклассников. Как будто медики ни о чем другом говорить больше не могут, кроме как о своей работе...

— Кхем, — красноречиво вскидывает бровь лис и вознаграждает обиженным взглядом.

Щелкаю языком и вкрадчиво заверяю:

— Мы сотню раз обсуждали, Тим. Ты исключение из правил.

12 — Ага, заблудшая душа творца в унылых больничных коридорах...

Аудитория резко взрывается смехом. Не смею только мы с Тимом. Затаившись в недрах задних рядов под плакатами о пневмониях, мы выпали из общей беседы.

Косо поглядываю на часы. Меня не покидает ощущение, что с минуты на минуту в кабинет войдет преподаватель.

— Кстати о творцах. Как успехи с комиксом? — не теряю времени и задаю главный вопрос дня.

— За лето набросал сюжет основной арки почти до середины, — хвалится Тим, — кстати, твои эскизы костюмов оченьгодились.

Приятная новость расправляет за спиной крылья.

— Покажи! — пламенно прошу я. Не терпится увидеть плоды наших общих трудов. От волнения даже подрагивают кончики пальцев, и я едва сдерживаюсь, чтобы усидеть на месте.

— С собой у меня только фотки нескольких страниц, — Тим вновь поправляет очки, коснувшись по-цыплячьей желтой дужки, — могу показать отрывки...

Перехватываю его руку, которой друг протягивает смартфон с открытой галереей. Лучше не портить впечатление и немного потерпеть, зато увидеть целиком и живую.

— Как хочешь, — ухмыляется рыжий, когда делюсь своей позицией. — Тогда помучаешься до сегодняшнего вечера. Встретимся в «Перезагрузке»?

Почти соглашаюсь, но тут же вспоминаю о данном родителям обещании. В душу закрадываются сомнения, соблазн посмотреть фотографии некоторых сцен комикса уже сегодня растет... Однако сдержанным, но поникшим тоном отвечаю:

— Смогу только завтра. Сегодня дома отмечаем мой первый рабочий день...

— В «больнице», — заканчивает за меня Тимур. Раздосадованно киваю и нервно прикусываю губу. — Ты подготовилась?

— Само собой. Навела справки, выучила все отделения по этажам, имена врачей и медсестер. Этот экзамен я должна сдать без осечек.

— Держись. — Тимур подбадривающе сжимает мое плечо. Губы складываются в напряженную улыбку. Мое волнение не ускользает от внимания Тима, и он тут же переводит тему, стараясь отвлечь от неприятных мыслей. — Кстати, есть несколько новостей. Заходила в конфу группы?

В наш чат я не заглядывала уже очень давно. Летом важные новости по учебе бывают редко, а участвовать в нудных беседах желания нет. Одногруппники, так же как и мои родители, старший брат, бабушки и дедушки, кажется, не знают других тем, кроме учебы и работы.

Меня всюду окружают исключительно врачи. Семья — династия хирургов. Друзья родителей — медики. Большая часть книг дома — пухлые атласы, учебники, справочники и распечатки клинических рекомендаций.

Не удивлюсь, если кто-то скажет, что в детстве вместо раскраски у меня был атлас по анатомии. Родители еще до рождения определили мою судьбу. Однако избыточное давление, однотипность окружения и отсутствие выбора подарили мне ненависть к будущей профессии и к ее фанатичным представителям.

Кто знает, может, если бы семья так ярко не настаивала на моем поступлении в медицинский вуз, я бы сама выбрала эту стезю? И не было бы во мне такого бурного отторжения и чувства, что кто-то насильно изменил мою судьбу и растоптал мечту о другой карьере.

— Нет, я не проверяла сообщений, — возвращаюсь к беседе, но Тим посвятить в последние события не успевает.

В дверь стучат, и вся группа из пятнадцати человек напряженно замирает. В мыслях коротко пробегает глупая мысль: почему опоздавший преподаватель стучит? Но дверь открывается, и за ней оказывается вовсе не наставник новой дисциплины...

Меня обдает холодом, когда на пороге аудитории появляется тот самый парень, на которого я бессовестно скинула мусорный пакет.

На коричневом пальто еще виднеются пятна, а в растрепанных черных волосах — бумажные хлопья.

Вжимаю шею в плечи и чуть сползаю под парту. Как он меня нашел?! Неужели все-таки нагрязнул в «Перезагрузку» и потребовал правосудия?

— Вот, кстати, об этом я и хотел сказать, — шепчет Тимур и кивает в сторону гостя. Потом переводит взгляд на меня, съезженной гармошкой сползающую на пол, и изумленно ведет бровями. — Ди, ты чего?!

На удивленный возглас друга-предателя обращиваются все. Даже парень, стоящий в дверях, тарачится в недоумении, наблюдая, как я стекаю под парту. В его взгляде нет ни злости, ни искры узнавания. Зато мое сердце льдинкой опускается в желудок — сейчас он назовет имя, услужливо выданное Игорем, и мне конец.

Точку в моей душевной драме ставит староста.

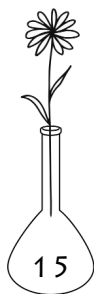
— Входи, Глеб. Препод сильно опаздывает, — радушно поясняет Аня, — ты ничего не пропустил.

— Чего?! — вырывается едкий писк. Пятнадцать пар глаз, полных укора, снова устремляются на меня.

Тимур незаметно толкает меня локтем в бок. Сдавленно ойкаю, а явившийся парень, Глеб, шустро меняет пальто на белый халат и садится за одну из первых парт.

— Ди, ты что творишь? — шипит Тимур. — Это наш новенький, про него и хотел тебе сказать, но не успел.

Холод внутри быстро сменяется жаром стыда. Это что, мне теперь каждый день видеться с собственной жертвой, мучиться от совести и страха разоблачения? «Преступление и наказание» какое-то...

Смятение на моем побледневшем, а затем резко зардевшемся лице Тимур трактует по-своему:

— Симпатичный, конечно, этот Глеб. Но ты девушка не глупая, сама должна понимать, что таким варварским способом ответную симпатию не завоеешь...

— Ты что такое несешь? — припечатываю, уставившись на Тимура взглядом, мечущим молнии. Голос звенит возмущением, и на нас снова оборачиваются.

Глеб смотрит в нашу сторону так, будто наблюдает за детьми, которые вытворяют какую-то глупость. С укором и снисходительностью. От такого потока эмоций во мне вспыхивает негодование, но его тут же топит под собой новая волна стыда.

— Вот видишь, — шепчет мне на ухо Тим, когда Глеб отворачивается. — Нельзя здесь без грамотной стратегии. Только спугнешь парня.

— Да ты о чем вообще?!

Тимур щелкает языком и устало закатывает глаза. Но все же склоняется ко мне, чтобы пояснить:

16

— Думаешь, я не заметил, как ты на Глеба смотрела, когда он вошел? Радуйся, что мы в конце сидим, иначе бы не только я стал свидетелем зарождения любви...

Теперь настает моя очередь строить недовольные гримасы и неодобрительно качать головой:

— Ты все не так понял!

Но оправдательную речь толкнуть не удастся. Дверь распахивается так резко и широко, что по комнате проходит легкий ветерок. В аудиторию без лишних церемоний вваливается мужчина в белом халате. Доктор жестом просит нас не вставать и сам тут же без сил рушится за преподавательский стол.

— Итак, — мучаясь одышкой, выдавливая он, — прежде чем мы... начнем наше занятие... будет несколько новостей. Первая — я веду у вас цикл факультетской терапии. Вторая — в конце года вам предстоит экзамен. Третья...

Дальше уже не слушаю, а выдалбливаю в заметках смартфона сообщение для Тимура. Друг озорно поглядывает в мою сторону и ехидно улыбается. Думает, что поймал на влюбленности с поличным. Теперь дело чести развенчать этот абсурдный миф!

«Просто я знаю этого парня».

Поворачиваю экран к Тимуру. Тот многозначительно заламывает бровь и кивает на телефон. Верно истолковав жест, печатаю продолжение, где рассказываю о постыдном мусорном броске и страхе разоблачения.

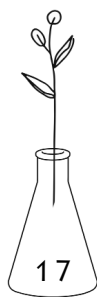
Тимур увлеченно читает чистосердечное признание, а в конце неожиданно прыскает от смеха. В очередной раз наша парта приковывает к себе внимание собравшихся.

— Апчхи! — театрально выдает Тим.

Его неумелая маскировка заставляет прыснуть уже меня. Взгляды, направленные в нашу сторону, одновременно темнеют. Не придумываю ничего умнее и, следуя урокам лиса, имитирую чихание.

— Галерка! — строго выкрикивает педагог. Он уже победил одышку и теперь грозно нависает над столом. О недавнем марафоне напоминает лишь красное лицо, заметно блестящее от пота. — Если вы болеете, ходите в масках! Нечего заражать окружающих!

Староста заботливо передает нам пару масок, которые тут же надеваем, пряча под тонким материалом плохо сдерживаемые улыбки. До конца пары так и сидим. Вполуха слушаем преподавате-

ля, что рассказывает о стадиях гипертонической болезни, обмениваемся сообщениями о комиксах, косплее и «Перезагрузке» и изредка наигранно чихаем.

Спустя несколько бесконечных часов нас наконец-то отпускают на волю. Перед тем как все разойдутся, преподаватель успевает сделать объявление:

– Напоминаю! Если вы хотите участвовать в кружках нашего университета, необходимо отметить в этом журнале! – Красная папка с хлопком падает на одну из первых парт. – Для новеньких – просто запись. Если уже состоите где-то – запись с пометкой.

После этого короткого сообщения мужчина спешно ретируется, оставляя студентов наедине с неожиданно свалившимся на голову выбором. Никаких тебе пояснений – что, где, когда и зачем...

Заинтересованные одгруппники толпятся вокруг документа, листают страницы, изучая доступные научные кружки. Кто-то просит ручку, чтобы вписать свое имя в заветный столбец, а кто-то не торопится и желает изучить весь список.

– Будешь подходить? – кивает на столпотворение у журнала Тим.

– Не, – отмахиваюсь. – Смысл? Говорю же, родители сами еще летом записали к хирургам.

– Восторг, – с ядовитым сарказмом протягивает друг и направляется к двери.

Мы уходим первыми.

ГЛАВА 2

Праздник обмана

— Поздравляем с первым учебным днем! — меня с порога встречает голос отца.

Мама налетает с объятиями, будто я не с пар пришла, а вернулась победителем масштабной олимпиады.

— С первым рабочим днем! — лепечет она и звучно чмокает в щеку.

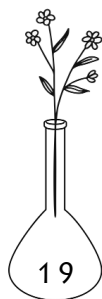
От упоминания работы на душе скребут кошки. Обманывать родителей совсем не хочется, но если этого не сделать, то нарвусь на серьезный конфликт.

— Спасибо! — сдавленно улыбаюсь и стягиваю кроссовки. Внимание родителей прожигает кожу насквозь. Их взгляды, неотрывно следящие за мной, излучают гордость и восторг. А мне хочется кричать от безысходности...

— Скорее мой руки и за стол. — Папа уже двигается в сторону кухни. — Твоя мама очень старалась.

Вежливо киваю, изображаю радость, принимаю все комплименты от родителей и тяжело выдыхаю, когда запираюсь в ванной. Прижимаюсь лбом к двери, закрываю глаза и вслушиваюсь в доносящиеся с кухни голоса.

Гостей, кажется, нет. Эта новость придает немного сил. Ломать комедию перед всем списком родни и их друзей было бы задачей почти непо-

сильной. Мне и без лишних свидетелей приходится нелегко.

В недрах квартиры звенит посуда, шелестят голоса родителей. Ну вот почему им так важно, чтобы я была именно хирургом? Не доброй, не умной, не счастливой, в конце концов. А только хирургом — и точка.

Семейное наследие и престиж — выше моих желаний, которые никогда не воспринимались всерьез. Вместо кружков искусства, куда всегда хотела попасть, — школа с биохимическим уклоном. Вместо художественного вуза — скандал и зачисление на лечебный факультет.

А все потому, что я «слишком молода», «не знаю жизни» и «не понимаю, что для меня лучше». И теперь мне двадцать один, и я по-прежнему не в своей тарелке.

Единственный бунт, который могу себе позволить, — тайная работа в «Перезагрузке». Отрада, что не дает свихнуться в череду не своих дней, — мое хобби. Островок потерянной мечты.

20

— Диана! — нетерпеливо зовет мама. — Мы ждали!

— Бегу!

Даю себе последние секунды собраться с силами. Восстанавливаю дыхание, приклеиваю улыбку и приступаю к экзамену на умение врать.

Стол на кухне накрыт по-праздничному. Родители не поленились достать красную скатерть с белоснежными оборками, которая обычно видит свет лишь в Новый год. Сейчас же только начало сентября, а грандиозный повод — ложь.

— Присаживайся, дорогая! Сегодня твой день! — Мама заправляет выбившийся из высокого хвоста локон мне за ухо и любовно заглядывает

в глаза. Это разбивает мое сердце, и притворная улыбка нервно подергивается.

— Еще раз спасибо, — смущенно роняю под нос и занимаю привычное место рядом с окном. На подоконнике замечаю несколько блестящих свертков и стыдливо отворачиваюсь. Даже в день рождения нет такого переполоха, как сегодня.

Папа садится напротив и ставит локти по обе стороны от пока еще пустой тарелки, сплетает пальцы в замок и упирается в них подбородком. Его пытливым взгляд из-под сползших на кончик носа очков выношу с достоинством, чем развеиваю остатки недоверия.

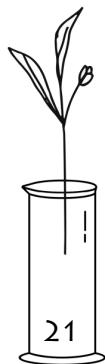
— Твой брат звонил сегодня, — начинает беседу папа. — Он передал свои поздравления.

— Спасибо, — выдыхаю в очередной раз. — А почему передал? Максим сам не может позвонить?

Без эмоций перевожу взгляд на пустующее место рядом со стулом мамы. Будто брат, который всегда занимал ту часть стола, может слышать мои слова. Смотрю на свободное место без тоски — с Максом мы никогда не были особо дружны. Его с юности утянули учебники, затем университет и научные кружки, а потом — работа хирургом во Франции. Он без особого труда и с удовольствием вписался в клуб фанатиков. Стал гордостью родителей и идеалом, к которому мне настойчиво советуют стремиться.

— У Макса много работы, — тут же вступает за брата мама. — Он едва урвал минутку между операциями, чтобы передать поздравления.

Между вазочками с салатами она ставит на середину стола шикарное блюдо с запеченной свиной с овощами. Мама принимается разливать напитки, а папа нарезает мясо и раскладывает порции по тарелкам.

— Бабушка и дедушка из Москвы тоже звонили, — вспоминает папа о родственниках по своей линии.

— И из Краснодара, — не забывает упомянуть о своих родителях мама. — Все очень гордятся тобой! Приехать в Питер не смогли, да и время на звонок нашли только утром...

От мысли, что вся родня могла приехать отметить праздник, высосанный из пальца, становится дурно. Мне бы хоть родительский энтузиазм вынести без последствий!

— Ничего страшного, — вслух успокаиваю я. — Всем передайте мои благодарности за поддержку.

Родители расплываются в довольных улыбках, а я засчитываю себе очко за верный ответ.

— Ну, Диан, рассказывай, как впечатления! — добродушно выдает папа вопрос, к которому я готовилась не один вечер.

Обвести отца вокруг пальца сложно. Его цепкий взгляд следит за каждым жестом, когда без запинки выдаю идеально составленную историю с заученными именами врачей и медсестер.

22

Паутинки неглубоких морщин постепенно сглаживаются. Глаза, такие же, как у меня, цвета свежей древесины с темными кольцами-прожилками, медленно светлеют.

— Вижу, первое дежурство произвело на тебя впечатление, — улыбается папа, а я мысленно ликую. Получилось!

— Вот видишь, Диана! Мы ведь говорили, что медицина — это образ жизни. Ты уже втягиваешься, — наставительным тоном произносит мама, делая глоток из бокала. — А помнишь, как ты не хотела поступать? Кричала, плакала...

— А мы ведь говорили, что это подростковые глупости, — бодро кивая, подключается отец. —

Теперь-то ты распробуешь свою специальность. За уши не оттянешь!

Родители в унисон смеются. Мне приходится поддержать общее веселье, чтобы не выдать себя. Но внутри бурлит негодование, а зубы, что скалю в улыбке, скрипят от злости.

— Кем ты там хотела стать? — на грани издевки спрашивает мама.

— Портнихой! — вместо меня отвечает отец и прыскает от смеха. Он залиvisto смеется и утирает слезы, выступившие на глазах. Мама следует его примеру и тоже разражается хохотом, от которого лицо быстро покрывается румянцем.

Натянутая улыбка стекает со вспыхнувшего лица. Танец на костях моей мечты заходит слишком далеко...

— Вообще-то, я хочу... хотела быть дизайнером-модельером.

Мама холодно отмахивается. Откидывается на спинку стула и, восстанавливая дыхание после смеха, поправляет выбившуюся из идеальной прически прядь:

— Все одно. Подшивать платья, подгонять брюки...

— Вообще-то... — начинаю закипать, но вовремя прикусываю язык. Я так старательно возводила иллюзию примерного поведения, чтобы от меня отстали и сбавили давление! Одно неверное слово — и все затрещит по швам. Поэтому проглатываю обиду и фальшиво протягиваю: — Ты права.

На кухне повисает гробовое молчание. Родители не сводят с меня пораженных взглядов. Тело обращается в натянутую струну, готовую вот-вот лопнуть... Неужели я все испортила? Переиграла?

Но когда папа резко встает из-за стола, подняв в руке бокал, понимаю, что в этом сражении одержала полную победу.

— Наконец-то ты повзрослела, Диана, и забыла обо всех глупостях.

— Я всегда говорила, что рано или поздно ты поймешь — мы с папой были правы и желаем тебе только лучшего.

Мама подхватывает бокал, как и у всех, наполненный яблочным соком. Праздник праздником, но работу и дежурства никто не отменял. Следуя родительскому примеру, тоже встаю с напитком в руке.

— Диана, не хочешь сказать тост? — сияет папа и с гордостью взирает на меня.

Родители выжидающе смотрят, пока я задумчиво кручу в руках тонкую ножку бокала.

— За принятие себя, — криво улыбаюсь под звон соприкасающегося стекла и под похвалу семьи.

* * *

24

Спрятаться от родителей и бесконечного потока лжи оказывается проще, чем я думала.

Спустя час утомительных и однотипных бесед начинаю усиленно зевать. Играть усталость даже не приходится, день выжал силы до нитки. Обеспокоенные, но гордые родители быстро отпускают отоспаться после первой смены. Выслушиваю последние напутствия и, оставив домочадцев наедине, уйду в свою комнату.

Замок на двери — одна из причин любви к моему тихому убежищу. Короткий щелчок надежно прячет в крошечном мирке, где всегда нахожу приют.

Небольшая, но уютная спальня встречает теплым сиянием гирлянды. Лампочки-светлячки как бусинки нанизаны на провод, что ломаным узором висит над кроватью. Между искорками на стене приколоты рисунки Тимура, отрывки из нашего комикса, мои наброски и одна-единственная фотография.

На снимке в костюме Чудо-женщины жую хот-дог и совсем не замечаю камеры. Рот набит, на щеке зияет красный след кетчупа, а я задумчиво смотрю на руку, испачканную соусом.

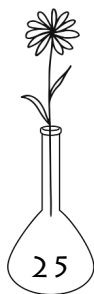
Тим не раз упрекал за не лучший выбор фото для «доски почета» над подушками. Для нас это стало неким ритуалом — приходя в гости, друг открывает папки на моем ноутбуке и деловито протягивает: «Вот! Тут ты хотя бы без кетчупа на лице!»

Но я не просто так однажды распечатала именно эту фотографию и повесила на самое видное место комнаты.

Кадр был сделан Тимуром на Хеллоуин, который совпал с нашим посвящением в студенты. На нелепый праздник в костюмах явились только я и Тим. Друг раздобыл где-то красный плащ, крылатый шлем и бутафорский молот. Свой наряд принцессы амазонок я сшила полностью сама.

То был первый день, когда я осмелилась выйти куда-то в костюме, созданном своими руками. А снимок, где я ем, — первый кадр личного триумфа.

Подобных вылазок после было немного. Не каждый день выдается повод погулять по Питеру в нарядах героинь поп-культуры! Фотосессии себе позволить не могу, а на редких фестивалях пока ни разу не осмелилась побывать участником-косплеером, а не гостем.

Мне постоянно что-то мешает подать заявку. То город другой, то учеба, то просто боюсь отказа или осуждения родителей.

Устало падаю на кровать и зарываюсь лицом в подушки. Тоска накатывает с новой силой, а внутри разгорается сожаление. Мысли укором клюют душу за глупый страх провала, за мешающую боязнь неодобрения.

Я прекрасно понимаю, что в своей зажатости виновата сама. Из года в год учусь, шью костюмы, мастерю наряды, но не делаю ничего, чтобы заявить о себе. Только сваливаю ответственность на родителей. Мол, это они мне вдолбили, что стать кем-то могу лишь в медицине. Все остальное — рудимент детской наивности.

26 А теперь еще и эта ложь... В глубине души хочется признаться. Сказать, что ни в какой больнице не работаю, а зависаю официанткой в гик-кафе. Но прекрасно представляю, как родители отреагируют на такую новость. Работай я в ателье или, на худой конец, магазине текстиля, маме и папе было бы проще смириться с моим обманом. Но ни швеей, ни продавщицей устроиться не вышло: мешают отсутствие специального образования и учеба в универе.

Зато в «Перезагрузке» можно работать после пар, в ночные смены, что успешно сочетается с вымыслом о карьере медсестры. А еще в кафе чувствую себя почти как дома — там настоящий рай для гика.

Под локтем шуршит обертка красиво упакованного свертка. Недолго думая, решаю развернуть подарок от мамы.

Почти не удивляюсь, когда избавляюсь от глянцевой бумаги и голубой декоративной лен-

ты. Внутри оказывается хирургический костюм, белый, с темно-синей отделкой и эмблемой моего вуза на груди. Без эмоций смотрю на форму сборной нашего хирургического кружка. Кладу подаренную одежду перед собой, даже не примерив, и роняю лицо в ладони.

Я ведь ни на одном собрании кружка еще не была! Не прошла отборочных экзаменов, не пробилась в сборную... Зато форма уже есть. И что-то мне подсказывает — остальное приложится.

ГЛАВА 3

Одна (?) команда

На следующий день Тим на учебу не приходит. Сидеть одной за последней партой оказывается неприятным испытанием. Без дружеской поддержки Тимура чувствую себя потерянно, отчужденно. И особенно остро ощущаю — я здесь лишняя.

28 Даже новенький, Глеб, удачнее вписывается в коллектив. Ведь за место рядом с ним неожиданно разворачивается целое сражение между девчонками. Но стоит ему появиться в аудитории, споры стихают. Глеб занимает стул рядом со старостой, за первой партой. Все остальные девушки, удрученно вздохнув, снова объединяются в привычные пары и возвращаются на старые места.

Никто из наших парней даже бровью не ведет и, кажется, не замечает нелепой ситуации. А вот был бы здесь Тим, мы бы вместе посмеялись!

Едва мысль пробегает в голове, достаю телефон и строчу другу сообщение с докладом. Тим отвечает почти сразу. Рыжик жалуется на отсутствие видеодоказательств и предлагает открыть свое тайное реалити-шоу.

«Можем ввести систему ставок», — получаю новое сообщение от Тимура и гифку кота, злорадно потирающего лапки.

«Ага, — печатаю ответ, наплевав на начавшееся занятие, — и каждая мадам поставит на себя!»

На какое-то время сообщения перестают сыпаться, и я от нечего делать решаю немного послушать преподавателя. Тот замогильным голосом зачитывает с распечаток клинику аритмий. От монотонной речи быстро начинаю клевать носом, но сонливость как рукой снимает, когда открываю новое сообщение от Тима:

«Зря. Я бы на тебя поставил».

В муром выражении, застывшем на лице, брови стягиваются к переносице. Перевожу взгляд с экрана телефона, где еще открыт диалог с Тимуром, на черноволосый затылок Глеба и нервно передергиваю плечами.

До сих пор коробит от мысли, что Глеб мог узнать во мне свою обидчицу. Уж если бы я нашла того, кто окатил меня мусором из окна, ему бы пришлось ой как не сладко... А вот что у новенького на уме, не знаю. И знать не хочу.

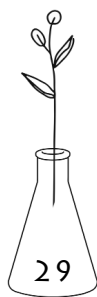
«Он не в моем вкусе, — прохожусь пальцами по сенсорной клавиатуре. — К тому же я на него мусорную бомбу скинула. Это точно знак!»

«Знак того, что моя ставка сыграет». На этот раз Тим прикрепляет гифку со Скруджем Макдаком, купающимся в деньгах.

Закатываю глаза и прикрываю рукой пылающее от стыда и гнева лицо. О концентрации и сосредоточенности на сегодня можно забыть. Поэтому, окончательно махнув рукой на заунывную лекцию, набираю новое сообщение, чтобы перевести тему:

«А ты куда вообще пропал? Болеешь?»

«Нет, — загорается на экране. — Сегодня все расскажу. После универа в “Перезагрузке”, как договаривались».

«Окей».

После этого Тим пропадает из сети, а я, отложив телефон, снова пытаюсь собраться с мыслями и сфокусироваться на учебе. Однако к концу занятия в моей тетради вместо записей об аритмиях оказывается несколько новых рисунков, а когда преподаватель объявляет о завершении пары, во мне вспыхивает дремавшая все утро энергия. Но быстро покинуть вещи в рюкзак и сбежать не выходит...

— Напоминаю, перед тем как уйти, вы по парам должны прокуривать пациента, — мужичок с одутловатым лицом передает старосте список фамилий и палат больных. — Отметьте здесь, кто кого взял. Написанные истории болезни сдавать на следующей неделе!

Аня деловито обводит взглядом группу, прежде чем выдать:

— У нас сегодня один отсутствующий. По парам не выйдет.

Преподаватель, имя которого я даже не помню, пронзает старосту раздраженным взглядом:

— Значит, кто-то будет один. Или в тройке.

30

Сказав это, врач даже не дожидается новых вопросов или готового списка. Белой вспышкой уносится из учебной аудитории и бесследно исчезает в больничных коридорах.

Следом за ним постепенно растворяются одnogруппники. Они по двое отмечаются в списке и, похватав тетради и фонендоскопы, почти бегом мчат к своим пациентам. Благо идти далеко не нужно, ведь занятия с этого семестра проходят в учебных аудиториях больниц и клиник.

Спешка понятна — чем быстрее опросишь больного, тем раньше уйдешь домой. Только вот из-за столпотворения у первой парты, где лежит список, с задних рядов добираюсь до заветной

бумажки почти последней. В комнате остаются только Аня, отвечающая за документ, и Глеб, отважившийся стать напарником старосты.

— Сегодня одна, Диан? — заглядывая мне в лицо, заискивающе спрашивает Аня. Я даже плечами пожать не успеваю, а в разговор вмешивается Глеб.

— Можешь с нами пойти, — неожиданно для меня и Ани предлагает он.

Вдруг листок в руках старосты тихонько шуршит. Она, отчаянно вцепившись в заветный список, напряженно прижимает его к груди. В васильковых глазах проступает свинцовая тень, когда Аня оборачивается на Глеба как на предателя.

Парень ревнивых искр рядом с собой совсем не замечает и даже бровью не ведет. Но мне нарушать их тихую идиллию и быть третьей лишней не хочется. Не потому, что боюсь Глеба, а чтобы не злить старосту. Вдруг надо будет попросить прикрыть на пропущенной паре?

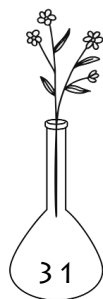
— Я одна быстрее справлюсь, — честно говорю то, что вертится на языке.

— Как знаешь, — кивает Глеб.

Аня облегченно выдыхает и протягивает мне список со всего одной свободной фамилией, на против которой вписываю свою. Больше ни на секунду не задерживаюсь в кабинете, душащем атмосферой между новеньким и старостой. Оставляю их наедине и убегаю, пока искры между ними случайно не обожгли меня.

* * *

Беседа с пациентом много времени не занимает. Быстро скачу по всем ступеням привычного алгоритма: приветствие, вопросы про самочув-

ствии и анамнез, ответы под запись, коротенький осмотр с пальпацией и пожелание крепкого здоровья на прощание. Нужные заметки получены, беглая перкуссия, которую спишу с норм, проведена, диагноз понятен. Отправляю сообщение Тимуру, предупреждая об окончании занятий, и беру курс на «Перезагрузку».

Довольная собой, вышагиваю по проспекту, предвкушая встречу с другом. Тимур еще вчера обещал принести летние наработки комикса, и меня гложет нетерпение. Как костюмы, придуманные мной, будут выглядеть на страницах нарисованной истории?

Мысли о нашем проекте затмевают все прочие невзгоды. Думать забываю о родителях и их наставлениях, об обмане семьи и тайной подработке, об огромной истории болезни, которую нужно приготовить всего за неделю...

А вот о Глебе забыть не получается, потому что именно с ним нос к носу сталкиваюсь в метро.

32 Витаю в облаках, съезжая по эскалатору. Полукруглые тени тоннеля проносятся над головой, пока листаю ленту в интернете. Лицо щечочет сквозняк, в глубине подземки визжат составы...

Когда спускаюсь почти до конца, прячу телефон в карман ветровки и готовлюсь сойти. И вдруг среди потока людей замечаю Глеба. Он стоит рядом с эскалаторами, явно чего-то дожидаясь.

Сердце гулко ухает, по телу разливается неприятный холодок. Сталкиваться с Глебом почему-то не хочется, в душе появляется нехорошее предчувствие.

Передо мной на эскалаторе своей очереди дожидается девочка лет десяти. За крохой, ясное дело, спрятаться не удастся, а вот за грузным мужчиной, что стоит позади, — вполне. Скомканно из-

виняюсь и, против хода автоматически ползущих ступеней, лезу наверх. Люди недоуменно косятся в мою сторону, а когда вынуждаю подвинуться старушку, то выслушиваю гневные замечания о дурном и невоспитанном поколении.

Потом, кровью и бранью в свой адрес все же получаю заветное место за широкими плечами незнакомца. И как раз вовремя — моя ступенька достигает финиша. Гордая собой, спрыгиваю с разгладившейся дорожки и следую напрямик за габаритным мужчиной. Смотрю себе под ноги, сливаюсь с толпой... и тихонько охаю, когда кто-то выуживает за локоть из многолюдного потока.

— Ну и представление ты устроила, — отведя меня в сторону, запускает шпильку Глеб.

Обиженно поджимаю губы:

— И тебе привет.

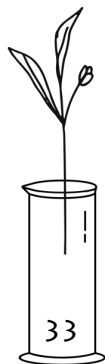
На мою колкость он никак не реагирует. Только серьезно смотрит сверху вниз, а я начинаю ощущать себя виноватой.

— О каком представлении речь? — беззаботно пожимаю плечами и всеми силами пытаюсь отогнать дурацкое чувство стыда. — Просто уронила брелок и поднялась за ним. Не вижу проблем.

Картинно скрещиваю руки на груди и деловито вздергиваю нос. Глеб равнодушно пропускает мое надуманное оправдание мимо ушей.

— Я к тебе по делу, — коротко оповещает он, и я тут же теряю свою напускную уверенность. — Ты ведь Фогель Диана?

В груди расплзается липкий страх, а я неосознанно вжимаюсь спиной в стену. Уйти от разговора не получится — Глеб чуть ли не нависает надо мной, перекрывая пути к отступлению. По его морозному взгляду ничего невозможно про-

честь, но серьезный настрой чувствуется крайне остро. Он не отпустит, пока не поговорим.

Первым порывом приходит мысль о вчерашнем проступке. Все-таки Глеб навел обо мне справки в кафе и с рук обиду не спустит...

— Да, это я, — собираю волю в кулак и делаю ничего не подозревающий вид, — а что?

— Мы с тобой в одной команде, — его голос немного теплеет, а из глаз пропадает холодный туман.

— Какой команде? — выпаливаю удивленно, а Глеб вновь напрягается. Смотрит на меня с неприкрытым удивлением, его губы нервно подергиваются.

Я-то думала, он меня выловил, чтобы отчитать за вчерашнее! Ну, обозвать безответственной, поугрожать немного... От страха и думать забыла обо всем остальном.

Глеб смотрит на меня как на отсталую. Несколько секунд молча таращится, будто ожидая, когда закончу прикалываться. Но просветления в помутненном от страха сознании не наступает.

— В хирургической команде, — как ребенку поясняют мне. — Я тоже в абдоминальной хирургии.

Пораженно поднимаю брови, а у Глеба вырывается тяжелый вздох отчаяния:

— Ты не помнишь, в какой кружок записалась?

— Почему же, — обидчиво веду плечом, когда без запинки вру, — помню, конечно. Просто учеба, работа... Забегалась.

— Понимаю. — Его взгляд вновь светлеет, льдинки в нем тают. — В какой больнице дежуришь?

Мысленно щелкаю языком от возмущения. Глеб даже не подумал, что могу работать не в медицине! Он такой же, как мои родители.

Вслух же своего негодования не выливаю, а завожу старую песню. Ту же, что успешно сработала вчера на родителей. Безупречная, полностью продуманная ложь. Только главное, чтобы одногруппник не оказался «коллегой». Иначе придется сочинять новую сказку...

Но удача поворачивается ко мне лицом. Глеб понимающе кивает и признается, что тоже работает медбратом, только в другой больнице. Довольно улыбаюсь, радуясь успешно сработавшей обманке, а новый одногруппник ошибочно принимает это на свой счет.

— Тебе в центр? — вежливо интересуется он.

Киваю и медленно двигаюсь в сторону нужной линии. К моему удивлению, Глеб шагает за мной.

— Мне тоже, — улыбка впервые за день касается его губ, — по дороге обсудим.

— Может, потом? — протягиваю жалобно, вынимая из рюкзака наушники. — Не люблю обсуждать медицину, если я не на учебе... или работе.

Ямочки на щеках парня сглаживаются, а он следом за мной входит в вагон и произносит:

— А мы и не про медицину. Про кружок.

От настырного хвоста избавиться не удастся. Занимаю место в углу вагона, Глеб садится рядом. Состав резко трогается, а парень начинает подготовленную речь:

— Ты знала, что в этом году мы будем соревноваться парами?

— Может быть, — отстраненно выдаю я, — если пройдем отборочные...

— На отборочных тоже соревнуемся парами, — с напором поправляет Глеб.

Он красноречиво замолкает, ожидая моей реакции. А я не понимаю, что он хочет от меня услышать, и старательно отвожу взгляд. Догадываюсь,

к чему клонит новенький, но на его затеи нет ни времени, ни желания...

— Собрания кружка еще не было, — так и не дождавшись от меня ни слова, продолжает Глеб, — но я нашел руководителя и узнал от него некоторые подробности...

Мысленно выключаюсь из беседы и принимаюсь считать станции до своей остановки. Их набирается всего три.

Первое впечатление о Глебе совсем не вяжется с тем, что вижу сейчас. Новенький казался мне холодным, отстраненным. Да и другим девушкам, готова поспорить, привиделся именно этот образ, что так любят романтизировать. Задумчивый голубоглазый брюнет, который никогда не улыбается и постоянно молчит...

Неудивительно, что появление Глеба в группе вызвало такой резонанс среди студенток. Теперь каждая хочет стать той самой, что растопит сердце парня и нарисует на его лице улыбку...

Придуманное приторное описание невольно вызывает ухмылку. Глеб вопросительно поднимает бровь и выжидающе склоняется ко мне:

— Ну, так что скажешь? — смотрит полным надежды взглядом. — Как тебе план?

Виновато прикусываю губу. Пока Глеб распинался передо мной и двигал какие-то стратегии, я витала в облаках. А теперь он спрашивает мое мнение!

— Крутой план, — иду ва-банк, ободрительно улыбаюсь и скрещиваю пальцы, спрятанные в кармане.

— Рад, что мы с тобой сошлись во мнениях. Когда приступим?

Не знаю, какой там план у Глеба, но мой точно терпит крах. Закашливаюсь от неожиданности

и судорожно придумываю отмазки, сама не знаю от чего:

— Работа, — наигранно поджимаю губы. Тяжелый вздох разочарования даже выдавливать из себя не приходится. Я действительно чувствую, что ввязываюсь во что-то, что мне очень сильно не понравится...

Глеб внимательно смотрит на меня. От пронизывающего холодом взора по нутру проползает мороз.

— Вообще-то, работа оговаривалась планом, — терпеливо напоминает он.

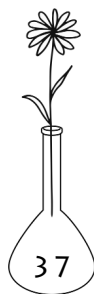
Хмурюсь и пристально вглядываюсь в лицо Глеба, будто надеясь прочесть прослушанные детали разговора. Но голос из динамика называет следующую станцию, и я едва сдерживаюсь, чтобы не расплыться в улыбке облегчения.

— Я на следующей выхожу. — В душе бушует нетерпение, и играть огорчение становится невыносимо тяжело.

Подхватываю рюкзак и, не дожидаясь остановки, двигаюсь к дверям. Так спешу сбежать от Глеба, что немного теряю равновесие. Кто-то подхватывает меня за локоть. Оборачиваюсь, чтобы отблагодарить доброго пассажира, и лицом к лицу сталкиваюсь с приставучим новоиспеченным одноклассником... и напарником.

— Я тоже выхожу.

От досады подкашиваются ноги, и я чуть не бодаю парня лбом в подбородок. Глеб твердо впивается пальцами мне в плечи, помогая устоять. Пока молчит, он снова кажется несколько отчужденным, меланхоличным. Не случись этой беседы, я бы и дальше думала, что Глеб замкнутый недотрога.

Из вагона он выходит следом за мной, становится рядом на эскалаторе, ползущем вверх, и снова возвращается к прерванному разговору:

— Что решила? — Глеб поворачивается ко мне и двумя руками опирается на двигающиеся перила позади себя.

Конца лестницы пока что даже не видно. Кажется, будто ступеньки назло едут медленнее обычного. Настойчивость Глеба душит, напористость берет в тиски. Даже сбежать от него не удалось!

— Ты о чем? — Сил на притворство почти не остается. Я выдохлась.

Глеб щелкает языком, и этот жест застает меня врасплох. Не думала, что его упорство иссякнет так скоро.

— Когда мы начнем встречаться, Диана?

Если бы лестница не была забита народом под завязку, сомневаюсь, что осталась бы стоять на месте. Но бежать не выйдет, а Глеб сверлит меня выжидающим взглядом, стоя совсем рядом.

38

В голову ничего не приходит. Абсолютная звенящая пустота. Только сообщение от Тимура мелькает где-то в памяти: «Я бы поставил на тебя».

Борюсь со смущением и встречаюсь с Глебом взглядом. Не отворачиваюсь, как прежде, не отвожу глаз и впервые за время нашего знакомства смотрю на Глеба, а не сквозь него.

Блики ламп дрожат искорками в морозной паутине глаз. Глеб, чуть опустив голову, внимательно наблюдает за мной и ждет ответа, пока я оценивающе осматриваю его.

Высокий, стройный, ухоженный. Внешне ужасно похож на моего комиксного любимчика —

Дика Грейсона¹. Но это не повод, чтобы начинать встречаться!

— Глеб, — аккуратно начинаю я и опускаю глаза, — мы ведь почти не знаем друг друга.

— Я тоже не в восторге, — поддерживает мое огорчение Глеб, а во мне почему-то вспыхивает обида. — Но у нас нет иного выхода.

Вздергиваю подбородок и отвожу раздраженный взгляд. Что это за план такой вынуждает его, бедненького, со мной, неудобной, встречаться?! Да и чем я ему плоха? Не дурнушка, не глупышка... бунтарка временами, но об этой моей черте Глеб пока еще ничего не знает.

— Выход есть всегда, — ядовито выплевываю, не желая принимать предложение высокомерного зазнайки.

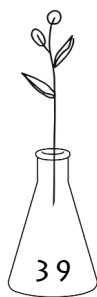
— Говорю же, — устало выдыхает Глеб, когда вместе со мной сходит с эскалатора, — я подходил к руководителю. В этом году отбор будет очень жесткий, пары распределили в первый же день. Меняться нельзя. Участвовать по одному — тоже.

— Ну а то, что мы будем с тобой встречаться, как плану поможет? — выпаливаю, не подумав.

Глеб, придерживавший передо мной дверь из помещения метро, так и застывает с недоумением на лице. Голубые глаза подергиваются сизой дымкой, губы вытягиваются в жесткую линию.

— Наши встречи помогут подготовиться к отборочным, стать командой и не пролететь на испытаниях. Ты меня вообще не слушала?

Нервно сглатываю и заливаюсь краской. Надеюсь, Глеб не заметит горящих щек, иначе легко

---

¹ Дик Грейсон — Найтвинг, супергерой вселенной DC Comics.

догадается обо всем: о пропущенных мимо ушей словах и о неправильно понятом предложении.

— Слушала, — немного стусевавшись, говорю я, — просто хочу точно знать, на что соглашаюсь.

Глеб неодобрительно косится на меня, идя рядом вдоль проспекта:

— Так говоришь, будто прошу кредит на себя взять.

Прыскаю и качаю головой. Слишком затягивается наша прогулка. До «Перезагрузки» остается всего ничего, а Глеб так и не отстает. При нем входить в кафе не хочу. Вдруг все-таки вспомнит о вчерашнем конфузе с мусорным пакетом? А мне проблемы совсем не нужны.

— Допустим, я согласна, — надеюсь, что после закрепления договора Глеб хотя бы на сегодня отвяжется, а я смогу спокойно и без свидетелей отправиться на встречу с Тимуром.

Глеб резко останавливается, и я не сразу замечаю отставшего собеседника. Когда оборачиваюсь, не нахожу его в плотном потоке людей. Душа ликует. Неужели вот так просто? Пожимаю плечами и снова беру курс на кафе, но уже который раз за день Глеб вылавливает меня из толпы.

— Быстро ты убегаешь, — крепко держа меня за локоть, говорит он.

В груди скапливается тяжелое и неприятное ощущение. Раздражение.

— Я думала, ты получил, что хотел, и ушел, — красноречиво сверкаю на него глазами.

— Куда-то торопишься? — почти виновато спрашивает Глеб.

Достаю из кармана смартфон и проверяю время. Пока что не опаздываю, но Глебу знать об этом необязательно. Даже если приду немного раньше

Тимура, будет несколько минут перевести дух после выматывающей беседы.

— Да, опаздываю, — вру без зазрений совести. — Поэтому, если мы договорились...

— Пойдем тогда скорее.

Глеб касается моего плеча, подгоняя, и двигается дальше по проспекту, чуть ускорив шаг. На меня он больше не смотрит и не замечает недовольного взгляда. Конечно, очень мило, что он беспокоится о моем «опоздании», но мне такая забота не нужна. Достаточно просто оставить меня в покое!

— Мне в ту же сторону, — отвечает он на вопрос, который даже задавать не собиралась. — А тебе еще далеко?

Совсем недалеко. Впереди уже маячит знакомая неоновая вывеска. Но при Глебе я ни за что не вернусь на место преступления!

— Так что там со встречами? — не хочу отвечать и бесцеремонно перевожу тему.

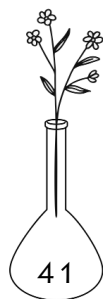
Чуть замявшись, он протягивает мне телефон, из-за которого недавно отстал, пытаюсь найти гаджет в рюкзаке:

— Дашь свой номер? Позвоню на днях, согласуем графики работы и решим, когда и где будем встречаться.

— Интернет не для тебя? — чуть не захлебываюсь сарказмом.

— Скорее не для тебя, — ловко переводит стрелки Глеб. — В групповом чате ты словно призрак. Сколько десятилетий назад в него заглядывала?

— Откуда ты вообще знаешь, что я в нем не появляюсь? — ухожу в отрицание и, ухмыльнувшись, гляжу на Глеба. Не хочу давать ему свой номер. Пусть уж лучше в соцсетях пишет.

Мы останавливаемся у последнего пешеходного перехода перед кафе. И пока я думаю, как избавиться от хвоста, Глеб говорит:

— Знаю хотя бы потому, что вчера писал в чат про новые правила кружка. А ты о них ни сном ни духом, пока со мной не поговорила.

Светофор загорается зеленым, и мы вместе с потоком людей сновадвигаемся вперед. Нервно прикусываю губу — до входа в «Перезагрузку» остаются считанные шаги.

— К тому же ты явно была не в курсе, что в группе будет новенький...

— Я отвечу на сообщение, не переживай, — заверяю я, но сама в свои слова верю с трудом. В мои планы входило вылететь из кружка на отборочных.

— Лучше дай номер, Диан. Это на крайний случай.

Метнув выжигающий взгляд, все же беру телефон из его рук. Экран оказывается разбит, но устройство работает вполне исправно. Останавливаюсь и выбиваю на сенсорной клавиатуре вереницу цифр. Даже не вру — номер действительно мой. На случай, если Глеб захочет проверить и набрать его здесь и сейчас.

Но он благодарно кивает и убирает телефон в карман пальто. Того самого, что пострадало от моей руки и сброшенного в окно мусора...

— Тебя проводить? — интересуется Глеб, а я едва не вспыхиваю.

Сначала он недоволен моим навязанным обществом, а потом предлагает вместе пройтись? Подозрительно кошусь на Глеба, но его лицо вновь кажется непроницаемым. Стоило нам прекратить обсуждать учебу и кружок, Глеб тут же потух. Первый признак фанатизма.

Все-таки я не ошиблась. Он такой же, как мои родители.

— Нет, спасибо. Я уже пришла.

Через плечо указываю на заведение позади. Даже не помню, что там, но по смущенному взгляду Глеба понимаю, что что-то не так.

— Тогда до скорого, — он натянуто улыбается и исчезает в бесконечном питерском потоке прохожих.

Пожимаю плечами и оборачиваюсь. Перед носом вырастают манекены в кружевном нижнем белье, а по телу разливается жаркий стыд.

ГЛАВА 4

Перезагрузка

— Может, он просто запал на тебя?

Такого вывода из сегодняшней истории я точно не ожидала.

От заявления Тимура чуть не падаю под стол и умудряюсь поперхнуться газировкой. Напиток течет через нос, глаза слезятся, и сквозь приступы кашля выдавливаю:

— Издеваешься?!

Тимур страшными глазами таращится на меня, пока вытираю со стола расплескавшуюся газировку.

44

— Вообще-то, я говорил серьезно. До того момента, пока твой нос не превратился в фонтан.

Сверлю Тима взглядом, пока он залиvisto смеется над своей шуткой. Заразительно смеется, нужно признать: от души и до блеска в глазах. Но у меня с самоиронией все крайне плохо, поэтому к веселью друга не присоединяюсь.

— Кончай десна сушить, — ворчу обиженно.

— Да ладно тебе, — примирительно протягивает рыжик. — Я шучу. Ну, а Глеб...

— Зануда, — злобно бурчу под нос.

Бровь Тимура взлетает над желтой оправой очков, когда он вознаграждает меня укоризненным взглядом:

— Ты его даже не знаешь толком. Дай парню шанс!

— В чем? Все, что ему от меня нужно, — успешное сотрудничество.

— Диана, будь умнее, — Тим вдруг включает наставительный тон. — Ты ведь достаточно романов и манги читала! Это же отличная завязка для отношений!

— Тимур! — рычу сквозь зубы, выпучив глаза на раскрасневшемся лице.

— Да и, в конце концов, — рыжий меня будто не слышит, — тебе нужен будет друг.

— Ты мой друг!

Тимур неожиданно бледнеет, снова становится напряженным. Я еще при встрече заметила его недоброе настроение, а потому тут же взялась отвлекать товарища от смурных мыслей. За нашим любимым столиком, у панорамного окна с видом на проспект, в красках рассказала о приставучем Глебе. Мне казалось, что с миссией справляюсь успешно, ведь друг поддерживал повествование шутками и смущающими намеками, но сейчас Тим опять нахохлился и помрачнел.

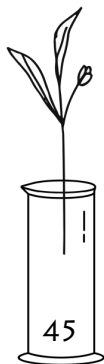
Его дурное настроение молниеносно передается мне. В воздухе повисает тяжелая атмосфера недосказанности.

— Диан, я должен был тебе сразу признаться, — не поднимает глаз от сцепленных пальцев. Мнет-ся, будто боится сказать.

— Ты в меня влюбился? — неуверенно бросаю догадку жалобным и чуть дрожащим голосом.

— Нет, ты что! — тут же вспыхивает, будто упрекнула в чем-то ужасно аморальном. — Я перелся.

Сердце колючей льдинкой опускается в желудок. Меня с ног до головы окатывает холодное

и давящее чувство — одиночество. Мысли застилает туман, а я, не веря в происходящее, тарашусь на сидящего напротив Тимура.

Как же так? Все года, что уже проучилась в медицинском, Тим всегда был моим спасательным кругом. Лишь благодаря ему не захлебнулась тоской, не отказалась от мечты связать жизнь с искусством, нашла себя в новых увлечениях.

Учеба рядом с Тимом казалась не такой уж невыносимой. А теперь он уходит.

— А как же наш комикс? — голос неприятно дрожит.

Тим нервно прыскает и ерошит непослушные волосы, что торчат во все стороны медными иголками. Он бросает на меня взгляд поверх очков, и я замечаю в глазах друга проблеск разочарования и обиды.

— Я из города никуда не уеду, — все же заверяет он, а потом чуть тише добавляет: — А ты, Ди, могла бы и порадоваться за меня. И хотя бы спросить, где теперь учусь.

46

Замечание бьет метко в цель. Сердце сжимается от чужой боли, кровь бурлит от стыда.

— Прости. Просто слишком неожиданно. Так куда ты перевелся?

— В институт Репина. Теперь учусь на художника-графика.

У меня округляются глаза, а челюсть отвисает до пола. Тимур же гордо сияет, довольный произведенным фурором.

Смотрю на его счастливую улыбку, а внутри сгораю от стыда. Эгоистка. Даже не подумала о Тимуре, о его желаниях. Сразу же метнулась на друга с обидами, а вместо заслуженных похвал вывалила недовольное и раздутое эго.

— Я отвратительный друг, — щелкаю ногтем по ярко-розовой трубочке в полупустом стакане. — Радоваться должна. И брать с тебя пример.

Тимур отодвигает от меня газировку, спасая ни в чем не повинную трубочку. Накрывает сжатыю в кулак ладонь своей и успокаивает:

— Все нормально. — Он неловко улыбается. — Тебя тоже можно понять... больше в группе ведь ни с кем не общаешься. Прости.

Удивленно вскидываю взгляд и спешно отмахиваюсь:

— Ничего, переживу. Главное, что ты в Питере и никуда не уезжаешь.

— Ну да. Правда, в общаге жить не особо здорово. Но уж лучше так...

Договорить Тимур не успевает. На стол между нами с грохотом опускается поднос с горой посуды и мусора.

— Диан, что за ерунда? — Игорь, бармен «Перезагрузки», грозно упирает руки в бока.

Я вздрагиваю, а в душу закрадываются подозрения. Все-таки Глеб заходил в кафе разобраться... Выдуманные оправдания уже готовы сорваться с языка, но Игорь снова гаркает:

— Ну, и чего сидишь? В зале бардак, все кувырок! А сегодня, между прочим, начальник придет.

— И что? — сухо бросаю я, глядя на худощавого крючка-Игоря снизу вверх.

Его лицо в изумлении вытягивается, бледнеет, а сыпь на контрасте становится еще краснее.

— Твоя смена идет, — он снова подталкивает ко мне звенящий посудой поднос, — шуруй работать.

Взгляд Тимура скачет между разгневанным Игорем и мной. Друг заметно нервничает, а я демонстративно разваливаюсь на диванчике и од-

ним пальцем отталкиваю от себя предложенную грязную работу:

– Хорошая попытка, но не сегодня.

– Выпендривайся дальше. Не меня же уволят...

– И не меня, – безразлично пожимаю плечами. – Сегодня ведь не моя смена.

Просветление наступает не сразу. Игорь затуманенным и недоверчивым взором косится на меня. Затем вынимает из кармана джинсов смартфон, наверняка проверяя дату.

– А что ты тут тогда делаешь? – спрашивает, оторвав взгляд от экрана.

– Планирую ограбление, – не улыбаюсь и лениво потягиваю остатки своего напитка.

Игорь щелкает языком и подхватывает поднос, что опасно гремит нагроможденной посудой. Даже не извиняется и убегает куда-то вглубь зала, пугая посетителей новым воплем:

– Дени-и-ис!

Смотрю ему вслед и задумчиво хмыкаю:

– Наверно, надо было не дерзить, а помочь. –

48

Заметив вопросительный взгляд Тимура, добавляю: – Игорь меня вчера сильно выручил, взял на себя часть работы, чтобы я не опоздала на учебу.

– Если ты хотела его отблагодарить, то шанс упущен.

Тимур кивает на выбежавшего в зал официанта. Скорее всего, тот самый Денис, получивший по шее. На паренька смотреть страшно – лицо краснее флага СССР, пот катится градом, руки дрожат. Того и гляди опрокинет поднос на посетителей.

– Не, – презрительно фыркаю, – терпеть не могу, когда на меня наезжают. Вот если бы хорошему попросил...